

Человек жив не хлебом единым, и в тяжелые времена мы чувствуем это острее, чем в благополучные: трудно держаться без ясных надежд и укорененных нравственных опор. Сейчас как раз такое время — разлом в стране, в обществе, в умах. И надо собраться с духом, чтобы выстоять. Какую же позицию займет интеллигенция, так много сделавшая для разрушения старого режима и его идеологии! Об этом наш разговор.

— Во главе парламентов и правительств, в кризисах министров и мэров сегодня профессора и доценты: экономисты, филологи, юристы. Когда у нас еще было нечто похожее? Но, говоря словами Собчака, «хождение во власть» интеллигенция совершает в тяжкий час. Вы сами, Даниил Александрович, и депутат, и член Консультативного совета у Ельцина? Не хочется ли вам назад, в оппозицию?

— Писателю, интеллигенции естественней быть в оппозиции: при устоявшейся власти это невыгодно. Но сейчас почти все общество в оппозиции: и те, кто входил в бывшие правящие структуры, и государственники от левых до правых, и национал-радикалы, и предприниматели, не довольные медлительностью реформ, и те, кто их боится, думая о ценах, тощем рубле, безработице. Поляризованное общество, где нет середины, того рассудительно — консервативного центра, который, несмотря на колебания, склонен к реформам. Его отсутствие и затрудняет реформаторство. Горбачев пытался, лавируя, вести центристскую линию, а оказалось, что ему не на кого опереться. Вот почему сегодня хочется поддержать политиков, рискнувших наконец действовать. Не тешить себя более иллюзиями, а принять трезвую оценку процессов, которые идут, шаги по созданию Содружества независимых государств, начало реформ в экономике.

Меня смущает, однако, наша нервная реакция на любые разногласия вокруг этих действий. Да, мы должны предупреждать общество об опасностях, напоминать политикам о культуре борьбы. Но не суесться вокруг них.

Нельзя требовать от общества, чтобы оно разбиралось, скажем, в финансовых делах. Вот возник конфликт между российским парламентом и правительством, кому подчинить банк и Гохран. Конфликт по вопросу, в котором надо разбираться специалистам, а я, глядя в «ящик», не могу мотивированно судить, кто прав. Так же, впрочем, как большинство парламентариев и широкой публики. Отвергая практику партийного аппарата с келейностью и безымянностью его решений, мы ударились сейчас в другую крайность, когда все, что происходит на политической кухне, выносится на суд общий. Неосторожное слово, брошенная в сердцах реплика сразу же толкуются на разные лады.

Мы не выходим из политического театра. С головой погружаемся в невнятные споры, в которой услышишь и бредовые, восплающие воображение версии. Какую бы экономическую программу ни пытались начать, она тут же увязала в сомнениях со всех сторон. Между тем, когда обсуждали в парламенте программу «500 дней», по моему убеждению, три четверти депутатов ее не прочли, а девять десятых не могли оценить.

Мы всю дорогу жили при некомпетентном руководстве, которое с легкостью перекидывалось с идеологии на сельское хозяйство, с химии на культуру. Попробуем же довериться наконец профессионализму тех, кто взялся за новую реформу. Разумеется, у других профессионалов могут быть другие мнения. Но надо в конце концов принять

какое-то одно. Парламент одобрил программу Ельцина, Гайдара, его команды — они начали действовать. И хорошо бы не хватать их за руки, смирять страсти. Лечиться надо у одного врача. В этот критический час пора поддержать то правительство, которое есть, и помочь обществу сплотиться вокруг него. Думаю, что искать новых вождей было бы теперь губительно.

— Демократы победили с завидным успехом при массовой

ли, печатали, передавали из рук в руки сочинения самиздата и «тамиздата», стихи, романы, работы философов и политологов, осмысливавших нашу трагедию. Правозащитники Орлов, Ковалев, Плющ, Марченко... А сколько безвестных! Оппозиционное сознание у нас пробуждали и литература, и театр, и кино. Твардовский, Товстоногов, Любимов. А такие ученые, как Вавилов, Капица, Лихачев, Тимофеев-Ресовский...

Те, кто думает, что, круша сегодня направо и налево все, что вчера ценили и уважали, они укрепляют демократию — заблуждаются. Своим цинизмом они убивают дух людей и вытаскивают почву, на которую в конце концов придут «наши», жиринов-

новники злодейств остались безнаказанными. Это несправедливо, но время назад не повернется. Теперь вот стали доступны архивы КГБ. Воспользуемся ли этим, чтоб наказать кого-то из исполнителей?

На памятнике борцам сопротивления в Париже есть надпись: «Простим, но не забудем». Мы после войны простили немцев, понимая, что они были заложниками своей системы. Так неужели не сможем простить своих?

— Но как раз интеллигенция у нас, пожалуй, наиболее воинственно настроена. И готова хватать через край, особенно в национальных движениях.

— У нас, к сожалению, идет процесс гипертрофирования национальной идеи. Больно, когда

приглашают университеты. У нас это не принято. Найдем ли сейчас пути сохранения интеллекта? Утраты трудно будет восстановить. Мы это уже проходили. Я смотрю на судьбу без иллюзий. Приходит другая, коммерческая жизнь, в которой прекрасноту, устремленности в свободное искусство не будет места.

Запад имеет своих интеллектуалов, с которыми считается. Но у него не было такой интеллигенции, как у нас, — с ее идеализмом, бескорыстием, преданностью общественным идеалам, обостренным нравственным чувством. От интеллектуалов никто не ждет подвижничества. Они не берутся других учить, а дают советы, когда их об этом спрашивают. У них нет особой духовной миссии в обществе. Боюсь, что интеллигенцию в том понимании, которое дали наша история и литература, мы можем растерять.

— Не хочется все-таки в это верить. В наш отечественный менталитет с детства входили и, надеюсь, будут входить, и Сенатская площадь, и тургеневская Аннибалова клятва борьбы с деспотией, и некрасовское «гражданином быть обязан», и достоевские и толстовские муки совести.

Ни гонимый Штольц, ни чеховский Лопухин не смотрели фигурами будущего, чтобы в алмазах не обещали.

— С поэтическими аллеями дворянских усадеб расставание было грустным. Но Чехов свой «Вишневого сада» все-таки считал комедией. Мне кажется, русская классика просто не успела разглядеть в жизни новый тип деятеля, делового человека. Мы знаем купцов Островского, но так и не встретили в литературе лиц типа Мамонтова, Морозовых, Путилова, Елисеевых. Хотя эти люди были новаторами. В торговом деле, в промышленности, даже в покровительстве искусства.

Наш будущий класс предпринимателей в силу обстоятельств выходит частью из теневой экономики. Из-за ошибок в экономической политике мы сразу столкнулись с хищным, спекулятивным рынком и прониклись отвращением к нему. Но в цивилизованном мире действует цивилизованный предприниматель. Ему предстоит наладить обмен веществ и в нашем расстроенном организме. И общество своей системой оценок и поощрений может повлиять на то, каким он станет.

— Мы очень долго питались надеждами на светлое будущее. Во что теперь верить?

— Не знаю. Знаю только, что есть простые ценности. Жизнь складывается из повседневности и требует не столько романтиков и героев, сколько порядочных, дисциплинированных и трудолюбивых людей. И в этой жизни есть достойные идеалы: честь, любовь, доброта, милосердие. Когда-то у меня был разговор с Сартром. Человек может опереться на знание, а может на веру, говорил он. Вы все время опираетесь на веру, но это ненадежная опора.

Я думаю, наше сегодняшнее внезапное ощущение духовной пустоты — лишь потеря этой ненадежной опоры. Мы перестали быть первопроходцами, но, выбирая тот путь, по которому идет весь цивилизованный мир, знаем по крайней мере, куда он ведет. И видим, что дистанция, которая отделяет нас от Запада, так велика, что рассчитывать на чудеса уже не приходится, рассчитывать надо на свои силы.

И. ПРЕЛОВСКАЯ.

Даниил Гранин: Известия — 1991 — 19 апр.

СОБРАТЬСЯ С ДУХОМ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

поддержке сил, объединившихся в критике КПСС и Президента СССР. Но это успех в кредит. Все с нетерпением жадно ждут результатов. Раздражение висит в воздухе. Звучат и предостережения, что маятник может качнуться вправо.

— То, что с нами сегодня происходит, тягостно. Но в истории нашей уже не впервые. Полвека назад, — а сейчас мы отмечаем эти военные даты, — было намного хуже. Враг был в трех шагах от Москвы, Ленинград умирал от голода. Для меня война — часть жизни. Я говорил с очень многими блокадниками, работая над «Блокадной книгой». Мы победили потому, что в самые критические дни и месяцы не впали в отчаяние, не потеряли надежду. Сегодня же с непонятной настойчивостью психологически подавляем людей, нагнетаем у них чувства страха, безнадежности, уныния. Такое впечатление, что у нас нет и не было ничего славного — ни в нашей истории, ни в долгой жизни. Вычерпали, кажется, все помылки прошлого. Идет какое-то самоистязание. Когда наша критика разоблачала тоталитарный режим и его идеологическую мертвечину, цель была очевидна. Мы возвращали себе достоинство, открывали глаза на истину. Ну а возьмем хотя бы недавнюю дискуссию о Зое Космодемьянской. С какой целью было сегодня сеять подозрения вокруг имени замученной и казненной девочки, избраншей крестный путь — воевать в тылу врага? Ее образ сам был оружием на войне, и это в истории уже нельзя отменить. С какой целью нам глумиться над гимном своего бывшего государства, над революционными песнями, дорогими для поколений соотечественников?

Сахаров и Солженицын кому-то уже кажутся одиночками в духовной пустыне. Но разве произошел бы такой бурный и скорый обвал режима, если бы многолетние, самоотверженные усилия, которыми подтачивались его основы? Интеллигенция наша совершила, быть может, самый большой подвиг, когда тысячи людей, рискуя лишиться работы, попасть в тюрьму, переписыва-

ские, «Память» с их национал-патриотизмом. И нам нечего будет им противопоставить. Все окажется погребено и завалено мусором. Чтобы выжить, надо сказать самим себе: хватит. Хватит вгонять людей в панику. Хватит страшать завтрашним апокалипсисом, гражданской войной, атомными ударами, голодом.

— Когда в обществе раскол, очень многое зависит от нравственной позиции власти. Сумеет ли демократы быть строгими к самим себе и гуманными к побежденным?

— Мы все привыкли на кого-то сваливать вину за то, что неладит, что с нами происходит, — и на уровне государственном и на личном. Тут же ищем врага. Нам всегда не хватало чувства личной ответственности. Дотянуться бы до этого признания собственной вины, начиная с самих себя и кончая обществом. Так, как немцы после краха фашизма.

Чтобы выжить, надо научиться прощать друг друга. Армяне и азербайджанцы это сделать не смогли. Осетины и грузины не сумели остановиться. Теперь России бы не поскользнуться, не запачкаться кровью, не дойти до братоубийства.

Будет суд над членами ГКЧП. Но есть тысячи людей, которые по привычке ли к подчинению, не сумев ли разобраться, не противостояли их указам. Тысячи людей не хотят мириться с запрещением компартии и не скрывают этого, став в оппозицию. В странах Восточной Европы, а теперь и в странах Балтии ущемляют права бывших руководящих работников, офицеров, сотрудников КГБ, коммунистов. Дойдем ли мы до этого?

После кровопусканий сталинской эпохи у нас даже за страшные злоупотребления властью наказывали только отстранением от постов. Молотов, Каганович, Маленков тихо отошли в мир иной. Мне рассказывали, как Маленков ходил из ЦК на Лубянку и спускался в подвал, где пытали Вознесенского и Кузнецова, арестованных по ленинградскому делу. Я встречался с Маленковым в начале восьмидесятых. У него была хорошая память и никакие угрызения совести. Главные ви-

под напором национальной нетерпимости даже друзья писатели боится протянуть другу руку. Наши взаимоотношения были равноправными, чистыми. Мы вместе столько перетерпели в борьбе с режимом, который подавлял нас всех. Интеллигенты республик делают непростительную ошибку, раздробляя ряды нашей возрожденной демократии. Мы можем, конечно, и дальше сводить счеты друг с другом, добираясь до мамаева побоища, казанского похода Грозного, кавказской войны. А можем вспомнить, как зарождались университеты, закладывались основы научных школ в Казани и Тарту, в Ташкенте и Грозном. В многовековой совместной жизни у нас было добро и зло. На какой же памяти будем строить отношения дальше? Все-таки надеюсь на разум.

— Интеллигенция, пожалуй, самая незащищенная часть общества из тех, кто работает. Тысяч на 50—70 сократится штат научных учреждений. Уезжают ученые, музыканты...

— Я не вижу права их удерживать. Хотя в современных условиях интеллект обеспечивает прогресс, наша разрушенная экономика вряд ли скоро сумеет его востребовать. Распадаются творческие союзы. Кто будет издавать Поэзию? На Западе писатели где-то работают. Видных